

А.А. Турилов

**О времени создания новгородского
Алексеевского креста: возможности
непалеографической датировки
(1367 или 1379 г.)***

Новгородская тематика этого сообщения определена, разумеется, кругом многолетних научных интересов юбиляра, но выбор конкретного памятника в какой-то степени случаен. К надписи на резном белокаменном Алексеевском кресте я обратился в процессе поисков сопоставительного материала для палеографической датировки фресок церкви Успения на Волотовом поле, которую я намеревался рассмотреть как проблему, со всеми сопутствующими ей трудностями¹. В конечном итоге эта аналогия мало что дала для датировки волотовских стенописей, однако сама надпись на кресте неожиданно обнаружила столь интересный материал, что оказалось совершенно необходимым остановиться на ней особо.

Белокаменный резной крест с западной стены Мартирьевской паперти новгородского Софийского собора, в надписи на котором дважды упоминается имя архиепископа Алексия («Олексии»), известен в науке уже почти полтора столетия — с 1858 г.² Волею судеб, из-за утраты в надписи окончания даты создания (двух букв-цифр, обозначающих десятки и единицы лет)³, это первоклассное произведение белокаменной резьбы, как бы изначально предназначенное для того, чтобы служить эталоном и точкой отсчета при датировании других эпиграфических памятников, само может быть датировано лишь довольно широко — продолжительным временем пребывания на новгородской кафедре архиепископа Алексия (1359–1388). При этом, однако, у исследователей время от времени возникает вполне понятное желание максимально сузить датировку — в идеале до одного года. Алексеевскому кресту посвящена довольно значительная литература — и как художественному произведению, и как памятнику эпиграфики⁴.

Известно, что старые воспроизведения надписи на Алексеевском кресте (вплоть до «Библиографии» А.С. Орлова), сделанные в то время, когда ее

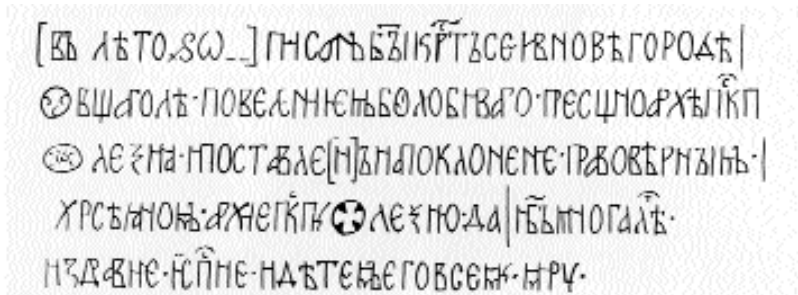
* Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ (гранты 04-04-00128а и 04-04-00303а).

прочтение было затруднено из-за грубой побелки, страдают неточностями (это относится даже к публикации И.И. Срезневского)⁵. Лучшее из существующих на сегодняшний день прочтений опубликовано в своде Б.А. Рыбакова (который справедливо сравнил надпись по художественности исполнения с гравировкой на серебре) и с некоторыми оговорками повторено в статье Т.В. Николаевой⁶ (разница между ними заключается в прочтении и истолковании «темного места» — небольшого промежутка между словами «в Нове городе» и «повелением»). Привожу здесь эту запись с уточнением прочтения, предложенного Т.В. Николаевой (см. ниже)⁷:

<ВЪ ЛѢТО СѠ[.].>. П=ИСА=Н=Ъ БЫ КР(с)ТЪ СЕИ=В НОВЕ ГОРОДЕ ОВЩА=ГО ЛѢ. ПОВЕЛ=ЕН=ИЮМ=Ъ БОЛ=ЮБИ=ВА=ГО. П=РЕСЦ=НО А=РХѢП(с)КП ОЛЕѢИ=Ю. И=ПОСТА=ВЛЕ[Н]Ъ НА=ПОКЛОНЕН=И=Е. П=РА=ВОВѢРНЫМ=Ъ ХРСѢА=НОМ=Ъ. А=РХ=ИЕП(с)КП=У ОЛЕѢИ=Ю. ДАИ=БЪ М=НОГА ЛѢ(т). И ЗД=РА=ВИЮ. И=СП(с)НЕ. И ДѢТЕМ=Ъ ЕГО ВСЕМ=У М=ИРУ.

Каждый из этих исследователей предложил свой вариант узкой датировки памятника. Б.А. Рыбаков остановил свой выбор на 1376 г., предположительно связав создание креста с состоявшейся летом этого года торжественной встречей в Новгороде архиепископа Алексия, возвратившегося из поездки в Москву (и, конечно, автор не был бы самим собой, если бы не упомянул при этом своих любимых «средневековых гуманистов» — стригольников)⁸. «Темное» место в надписи исследователь читал как ОВЩАГО ЛѢ, толкуя второе слово как сокращение от ЛѢТЬ и реконструируя форму ОВЩАГО ЛѢТЬЮ со значением «с общего изволения», «по общему желанию»⁹. Такое толкование, однако, несомненно произвольно. ЛѢТЬ в древнерусских памятниках является наречием в роли сказуемого (и уже в силу этого склоняться, естественно, не может)¹⁰ со значением «можно», «подобает», «дозволено»¹¹. Ссылка Б.А. Рыбакова (по словарю И.И. Срезневского) на пример из Супрасльской рукописи¹² некорректна, поскольку речь идет о старославянском памятнике XI в., привлеченном в самом справочнике только в качестве параллели¹³.

Иную (хотя хронологически мало различающуюся) узкую датировку Алексеевского креста и принципиально иное прочтение «темного» места предложила двадцать лет спустя Т.В. Николаева, посвятившая этому произведению специальную статью, в которой оно рассматривается как мемориальный крест, созданный около 1381 г. в честь Куликовской битвы¹⁴. Свою датировку исследовательница постаралась обосновать при помощи сопоставительного

Надпись на Алексеевском кресте. Прорись (по Т.В. Николаевой)

эпиграфического материала. Она привлекла к сравнению потир архиепископа Моисея 1329 г., Васильевские врата 1336 г., оклад Евангелия Симеона Гордого 1343–1344 гг., ковчег-мошевик Дионисия, архиепископа Суздальско-Нижегородского, 1383 г. и оклад Евангелия Федора Кошки 1392 г., придя к выводу, что «надпись на Алексеевском кресте по своему стилю и начертанию букв ближе к двум последним произведениям, чем к трем ранним»¹⁵. На мой взгляд, эта часть аргументации Т.В. Николаевой носит достаточно субъективный характер. С одной стороны, надпись на кресте достаточно далека и от двух последних образцов, которые (в особенности ковчег 1383 г.) отличаются меньшей плотностью письма и большей приземистостью букв, с другой — в сопоставительном ряду не представлены (по причине их физического отсутствия)¹⁶ памятники второй половины 1340-х — конца 1370-х гг. (хронологический разрыв между группами достигает почти сорока лет).

«Темное» место надписи Т.В. Николаева читала и толковала иначе, чем Б.А. Рыбаков. Она не обратила внимания на грамматическую невозможность реконструкции, предложенной Рыбаковым (во всяком случае, не написала об этом, справедливо отметив лишь, что «для слова ЛѢТЬЮ здесь нет ни сокращения, ни титла, ни выносной буквы»), но установила, что вторая буква в первом слове не Б, а В¹⁷. Возникшее чтение ОВЩАГО ЛѢ исследовательница попыталась интерпретировать как конкретное место создания памятника внутри Новгорода («в Щаголе»), под которым, по ее мнению, следовало понимать «Чыглову» или «Чеглову» «улку», упоминаемую в новгородской летописи в связи с пожаром 6702 г.¹⁸, или «какое-то другое нам неизвестное топонимическое название... улицы или урочища»¹⁹. Такое предположение потребовало еще одного допущения, поскольку излишней

становилась начальная буква О: «Круг с орнаментом, помещенный мастером в нижний острый угол левой лопасти креста мог не иметь значения буквы «о», а служить своего рода орнаментальной разделкой»²⁰. Далее поневоле возникает эффект карточного домика: «Две других орнаментальных разделки (в начале имени архиепископа. — А.Т.) в виде овала с цветком внутри и в виде круга с четырехконечным крестом могли также не иметь значения буквы «О», так как имя архиепископа, перед которым они поставлены, можно было читать и «Олексия», и «Лексия». Даже если оставить без внимания еще одну «орнаментальную разделку» (вторую букву в слове «бо[го]любиваго»²¹), не отмеченную Т.В. Николаевой, версию все равно невозможно принять из-за явного насилия на языке.

Древнерусская письменность, включая новгородские берестяные грамоты, не знает просторечно-разговорной формы без начального гласного, распространившейся в XIX в., и тем более — странного гибрида с книжным окончанием, предлагаемого исследовательницей. Скорее в данном случае можно было бы ожидать употребление краткой формы имени — «Олекса» («Олекса»), применявшейся в Новгороде даже по отношению к святым (Алексию человеку Божию²²); впрочем, по отношению к архиепископу не зафиксирована и она²³. Поэтому, вопреки гипотезе Т.В. Николаевой, все «декоративные кружки» надписи являются буквой О. Вообще писец надписи Алексеевского креста пишет очень грамотно, старательно избегая обычных для новгородской письменности диалектизмов, и на этом обстоятельстве еще придется остановиться особо. Реконструированный же Т.В. Николаевой топоним «Щагола» является чистой фикцией, даже если не вдаваться в вопрос о возможности (или, точнее, невозможности) его отождествления с лингвистической точкой зрения с «Чьгловой» («Чегловой») «улкой»²⁴. Нам не известны случаи, чтобы средневековые мастера отмечали городской район (а не храм или монастырь), где они работали.

Датировка креста, предложенная Т.В. Николаевой, получила достаточно широкое признание в литературе. Ее приняли, например, Г.К. Вагнер (знакомый с работой еще до ее публикации, в рукописи)²⁵, А.В. Рындина²⁶ и Г.В. Попов²⁷. Я не буду касаться исторической аргументации Б.А. Рыбакова и Т.В. Николаевой в пользу предложенных ими датировок, поскольку обе они представляют лишь более или менее удачные гипотезы, основанные на приурочении создания креста непременно к значительному с точки зрения исследователей XX в. историческому событию, так или иначе отразившемуся в письменных источниках. Что же касается сюжетно-иконографических

аргументов последней версии²⁸, то они загадочным образом игнорируют отсутствие среди изображений на кресте ключевого для Куликовской битвы «Рождества Богородицы».

Чтобы разобраться с «темным местом» надписи, следует исходить из промежуточного варианта чтения, признавая, с одной стороны (вслед за Т.В. Николаевой), что вторая буква В, а не Б, но одновременно не сомневаясь в том, что первый знак является орнаментированной буквой О (эквивалентом «омеги»), а не декоративным разделительным кружком. Возникающее при этом чтение (ОВЩАГО ЛЪ), на первый взгляд, лишено смысла. Почти несомненно, однако, что последние две буквы представляют собой сокращенное написание слова ЛЪТО, точнее, учитывая предшествующее слово, родительный падеж единственного числа — ЛЪТА. Подобное сокращенное (без выносной буквы и / или титла) написание этого слова (в тех случаях, когда буквы заключены между ограничительными чертами) хорошо известно по памятникам русской эпиграфики XIV и раннего XV в., и в том числе по предметам, привлеченным Т.В. Николаевой для палеографического сопоставления с Алексеевским крестом — Евангелию Симеона Гордого 1343–1344 г.²⁹, окладу Евангелия Федора Кошки 1392 г.³⁰, а также по кадилу преподобного Никона Радонежского 1405 г.³¹ и по нижегородскому мощевнику 1410 г.³² Впрочем, для понимания смысла словосочетания реконструкция дает немного — оно продолжает оставаться непонятным³³.

Ситуация тем не менее может существенно измениться, если мы вспомним о подчеркнутой грамотности писца, о чем уже говорилось выше. Вполне уместно предположить, что форма «овцаго» представляет собой гиперкорректное (псевдославянизм — по аналогии с реальной парой «общаго» — «обчаго») написание вместо правильного «овчаго» (т.е. «овечьего»)³⁴. В таком случае реконструируемое «овчаго лета» (= «в год овцы») служит указанием на порядковый номер года (восьмой от начала цикла по китайскому календарю) внутри дальневосточного двенадцатилетнего зодиакального круга³⁵, ставшего столь популярным во всем мире в наши дни. Знакомство русских книжников XIV в. с этим азиатским зодиаком не подлежит сомнению³⁶. Связанные с ним календарно-астрономические таблицы содержатся в рукописях, старшие из которых лишь на сорок-пятьдесят лет моложе надписи на Алексеевском кресте³⁷. Указания на год по дальневосточному зодиакальному кругу хорошо известны по русским переводам ханских ярлыков конца XIII — XIV в. русским митрополитам³⁸, причем для года овцы — в форме, близкой к предложенной реконструкции — «овьчия лета»³⁹.

В древнерусской календарной практике начало года для этого «животного» цикла совпадает с обычным для XIII–XIV вв. мартовским стилем⁴⁰.

Разумеется, может возникнуть сомнение по поводу уместности употребления «языческого» обозначения года на христианском поклонном кресте (и в связи с этим — в самой возможности предложенной здесь реконструкции), однако оно едва ли оправданно. Помещение «югорской» руки и «круга» в православных литургических книгах XV–XVII вв. (факт, сомнению не подлежащий)⁴¹ в этом смысле ничуть не более уместно, а интерес славянских (и в том числе русских) средневековых книжников к экзотическим календарным системам выражен довольно отчетливо начиная с древнейших времен — достаточно вспомнить хотя бы античный (древнеримский) календарь с системой счета по календам, нонам и идам, сопровождающий ряд списков Кормчих⁴², определение даты в записи писца Сийского Евангелия 1340 г.⁴³ и регулярное упоминание знаков зодиака в месяцеслове Геннадиевской Библии 1499 г.⁴⁴ Надпись на Алексеевском кресте оказывается, таким образом, древнейшим примером употребления дальневосточного календаря в оригинальном русском письменном памятнике.

К сожалению, новое истолкование «темного места» надписи на Алексеевском кресте не позволяет надежно привязать его создание к определенному году, а дает два практически равно возможных варианта. «Виной» тому длительное пребывание архиепископа Алексия на кафедре. За этот срок «овчее лето» наступало два раза — в 1367 и в 1379 г.⁴⁵ Выбрать с уверенностью одну из этих двух дат только на основании палеографических признаков мне не представляется возможным. Приходится довольствоваться уже тем, что широкая датировка креста сократилась более чем вдвое — с двадцати девяти до тринадцати лет. Близость второй из возможных дат к датировкам памятника, предложенным Б.А. Рыбаковым (1376) и Т.В. Николаевой (около 1381), является в этом смысле вполне случайной и отнюдь не заставляет предпочесть ее ранней.

Поэтому — если придерживаться мнения, что установка памятного креста непременно обусловлена событиями, имеющими историческое значение с точки зрения современного исследователя (хотя мне это не представляется стопроцентно обязательным) — за дополнительной аргументацией следует обращаться к летописи. Она, однако, тоже не позволяет дать окончательного ответа, поскольку обе летописные даты отмечены событиями, вполне достойными того, чтобы увековечить их памятным крестом. В 1367 г. новгородцам удалось возобновить мирный договор с великим князем Дмитрием

Ивановичем⁴⁶, годом ранее расторгнутый московской стороной в связи с походом новгородских ушкуйников на Волгу, а 11 августа 1378 г. состоялась победоносная для русских войск битва с татарами на Воже, известие о которой помещено в Новгородской первой летописи младшего извода под следующим, 1379 (6887) г.⁴⁷

Разумеется, с точки зрения общерусской исторической перспективы 1379 г. (своеобразный пролог Куликовской битвы) выглядит значительно эффективнее возобновления Новгородом мира со своим формальным верховным правителем в 1367 г. (явление, периодически повторявшееся). Однако у нас нет оснований полагать, что непременно подобным же образом оценивали значение этих событий их новгородские современники и, в частности, заказчик креста архиепископ Алексий⁴⁸.

¹ Пользуюсь случаем искренне поблагодарить Г.И. Вздорнова, привлекшего мое внимание к этой поистине головоломной задаче, которой будет посвящено специальное исследование.

² Историографию изучения памятника см.: Орлов С.А. Библиография русских надписей XI–XV вв. М.; Л., С. 91–93. № 129; Вагнер Г.К. От символа к реальности. Развитие пластического образа в русском искусстве XIV–XV вв. М., 1980. С. 108, 110, 115, 134–143; Николаева Т.В. Победный крест XIV в. // ДРИ. XIV–XV вв. М., 1984. С. 86–89.

³ К настоящему времени, после того как во время Великой Отечественной войны крест был выломан из стены собора для отправки в Германию, начало надписи утрачено целиком, до слова «писан».

⁴ См. примеч. 2.

⁵ См.: Рыбаков Б.А. Древнерусские датированные надписи XI–XIV вв. / Археология СССР. Свод археологических источников. Вып. Е1–44). М., 1964. С. 45; Николаева Т.В. Победный крест... (см. примеч. 2). С. 89.

⁶ Рыбаков Б.А. Древнерусские датированные надписи... (см. примеч. 5). С. 45. № 52; Николаева Т.В. Победный крест... (см. примеч. 2). С. 89 (кроме того, здесь на следующей странице помещена хорошая прорись записи).

⁷ Начало надписи, ныне утраченное полностью (см. примеч. 3), дается в угловых скобках (цифры десятков и единиц в дате переданы отточием в квадратных скобках), лигатуры отмечаются знаком равенства, выносные переданы строчными буквами в круглых скобках.

⁸ Рыбаков Б.А. Древнерусские датированные надписи... (см. примеч. 5). С. 46.

⁹ Там же. С. 45. Примеч. 113.

¹⁰ См.: Срезневский И.И. Материалы для словаря древне-русского языка по письменным памятникам. СПб., 1902 (репринт: М., 1989). Т. 2. Стб. 79–80; Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 8. М., 1981. С. 221; Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.). Т. 4. М., 1991. С. 462–463.

¹¹ Характерно, что И.И. Срезневский (*Срезневский И.И. Материалы для словаря...* (см. примеч. 10). Стб. 79) определял значение слова латинским licet. Еще одно значение — «едва», «чуть» — фиксируется памятниками XV–XVI вв. (Словарь русского языка... (см. примеч. 10). С. 221).

¹² Рыбаков Б.А. Древнерусские датированные надписи... (см. примеч. 5). С. 45. Примеч. 113.

¹³ См.: Срезневский И.И. Материалы для словаря... (см. примеч. 10). Стб. 79.

¹⁴ Николаева Т.В. Победный крест... (см. примеч. 2).

¹⁵ Там же. С. 91.

¹⁶ Исключение составляет лишь резной Людогощенский крест 1359 г. (см.: *Рыбаков Б.А.* Древнерусские датированные надписи... (см. примеч. 5). С. 43–44. № 51), однако надпись на нем, не имеющая лигатур и близкая по характеру к строчному письму рукописных книг, плохо подходит для сопоставления с декоративным письмом надписи Алексеевского креста. В то же время к последней достаточно близко письмо заголовков Паремийника 1378 г. (РГБ, собр. В.М. Ундольского, № 1207). См.: Заглавное письмо древнерусских рукописных книг XIV–XV вв. Альбом зарисовок М.Г. Гальченко. М., 2004. С. 26. Рис. 2–3. Наконец, в самое последнее время была раскрыта новгородская икона «Спас на престоле» с датированной надписью 6870 (1361/1362 или 1362/1363 — в зависимости от того, применен ли здесь сентябрьский или мартовский стиль), выполненной декоративным письмом, достаточно близким к надписи на кресте (см.: *Царевская Т.Ю.* Икона «Спас на престоле» 1362 г. как духовное завещание новгородского архиепископа // *ΣΟΦΙΑ. Сборник статей по искусству Византии и Древней Руси в честь А.И. Комеча.* М., 2006. С. 475; надпись на подножии трона видна на репродукции, к сожалению, очень плохо), что является, несомненно, достаточно сильным (хотя и косвенным) аргументом против непременно поздней датировки нашего памятника.

¹⁷ *Николаева Т.В.* Победный крест... (см. примеч. 2). С. 90.

¹⁸ Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов / Под ред. и с предисл. А.Н. Насонова. М.; Л., 1950 (репринт: ПСРЛ. Т. 3. М., 2000). С. 41, 233 (в статье Т.В. Николаевой (с. 90), в первом случае, вероятно, опечатка: «Чьоглова»).

¹⁹ *Николаева Т.В.* Победный крест... (см. примеч. 2). С. 90.

²⁰ Там же.

²¹ Там же, вторая строка рисунка.

²² См., например, в Минее служебной на март 1369 г. (РНБ, Софийское собр., № 198. Л. 61 об. и далее): «С[вят]а[го] Алексы ч[е]л[о]в[е]ка б[о] (ж)ия».

²³ См.: ПСРЛ. Т. 3 (см. примеч. 18). С. 595–597 (указатели).

²⁴ Если для первой буквы слова мена Ч и Щ представляется вполне допустимой (см. ниже наше прочтение), поскольку «чьгол» («чегол», «чогол») — это русская форма славянского «щегол» («щьголь»), то появление А (вторая буква) из Б/Е не имеет в данном случае разумного объяснения.

²⁵ *Вагнер Г.К.* От символа к реальности... (см. примеч. 2). С. 108, 138.

²⁶ *Рыбина А.В.* Новгородское серебряное дело XIII–XV вв. // Декоративно-прикладное искусство Великого Новгорода. Художественный металл XI–XV вв. / Ред.-сост. И.А. Стерлигова. М., 1996. С. 87.

²⁷ *Попов Г.В.* Белокаменный крест 1462/1467 г. из Борисоглебского монастыря в Дмитрове // *ΣΟΦΙΑ. Сборник статей по искусству Византии и Древней Руси в честь А.И. Комеча.* М., 2006. С. 343, 346. Примеч. 26. Автор дает здесь ссылку только на свод Б.А. Рыбакова (*Рыбаков Б.А.* Древнерусские датированные надписи... (см. примеч. 5)), однако датирует памятник 1380-ми гг., явно вслед за Т.В. Николаевой.

²⁸ *Николаева Т.В.* Победный крест... (см. примеч. 2). С. 91–93.

²⁹ См.: *Рыбаков Б.А.* Древнерусские датированные надписи... (см. примеч. 5). С. 43. № 49. Табл. XXXV, рис. 3; *Вздорнов Г.И.* Искусство книги Древней Руси. Рукописная книга Северо-Восточной Руси XII — начала XV вв. М., 1980. Кат. 30.

³⁰ См.: *Рыбаков Б.А.* Древнерусские датированные надписи... (см. примеч. 5). С. 48. № 56. Табл. XXXVIII; *Вздорнов Г.И.* Искусство книги Древней Руси... (см. примеч. 29). Кат. 57. Здесь я считаю необходимым специально оговорить следующее обстоятельство. Ранее в ряде работ я высказывался в пользу максимально поздней (в пределах жизни митрополита Киприана, упомянутого в надписи) датировки этого оклада — 1406 г., считая указанную на нем дату (6900 г.) незаконченной, поскольку полагал, что он современен кодексу, который по палеографическим признакам не может быть датирован ранее середины 1400-х гг. (см., например: *Турилов А.А.*

Восточнославянская книжная культура конца XIV — XV вв. и «второе южнославянское влияние» // ДРИ. Сергей Радонежский и художественная культура Москвы XIV—XV вв. СПб., 1998. С. 334. Примеч. 36; ср.: *Гальченко М.Г.* Книжная культура. Книгописание. Надписи на иконах Древней Руси. Избранные работы. М.; СПб., 2001. С. 322, 362). В настоящее время считаю, что кодекс и оклад, скорее всего, не составляют единовременного комплекса: оклад, который вполне может быть датирован 1392 г., по всей вероятности смонтирован на рукописи, которая моложе его лет на двадцать.

³¹ См.: *Николаева Т.В.* Произведения русского прикладного искусства с надписями XV — начала XVI вв. / Археология СССР. Свод археологических источников. Вып. Е1—49. М., 1971. С. 82. № 80. Табл. 49, рис. 2.

³² Там же. С. 32. № 1. Табл. 1.

³³ Не меняет ситуации и гипотетическое допущение правильности чтения, предложенного Б.А. Рыбаковым: в комбинации ОБЩАГО ЛЪБТА смысл имеет каждое из слов, но не их сочетание.

³⁴ Пользуюсь случаем сердечно поблагодарить А.А. Гиппиуса и В.М. Живова за консультацию по данному вопросу.

³⁵ См. о нем, к примеру: *Миккола Ю.* Тюрко-болгарское летосчисление // ИОРЯС. Т. 18. СПб., 1913. С. 243—247.

³⁶ Вопрос заключается лишь в том, как рано произошло это знакомство. Наименование разных (по принципу организации) вариантов таблицы — «Рука югу(р)ская» («югорская»), «круг югорский» (см.: *Турилов А.А., Чернецов А.В.* «Рука югорская (угорская)», т.е. уйгурская // Письменные памятники по истории Древней Руси. Аннотированный каталог-справочник / Под ред. Я.Н. Щапова. СПб., 2003. С. 111—112) недвусмысленно указывает на их источник — уйгурскую канцелярию монгольских ханов — и, соответственно, определяет предельно раннее время известности на Руси — рубеж 1230—1240-х гг. Дополнительное определение в заголовках таблиц, известное по рукописям XVII в.: «сей круг ведает лета половецкии» (см.: *Ryan W.F.* The Oriental Duodenary Animal Cycle in Old Russian Manuscripts // Oxford Slavonic Papers. New series. Vol. 4. 1971. P. 12, 16—19) может являться как указанием на источник более раннего (до середины XIII в.) знакомства русских книжников с этим циклом, так и следствием своеобразной архаизации («половецкий» как условный синоним позднейшего «татарский»).

³⁷ Старшие из примеров находятся в Псалтири толковой с дополнительными статьями (ЯМЗ, инв. № 15231. Л. 258), происходящей из вологодского Спасо-Прилуцкого монастыря и датированной не позднее 1422 г., и в Сборнике богослужебном середины XV в. (РНБ, Кир.-Бел., № 10/1087. Л. 381 об.). О датировке и происхождении первой рукописи см.: *Плигузов А.И., Турилов А.А.* Древнейший южнославянский письменник третьей четверти XIV в. // РФА. Вып. 3. М., 1987. С. 162—163; *Романова А.А.* Древнерусские календарно-хронологические источники XV—XVII вв. СПб., 2002. С. 61); о второй рукописи — *Романова А.А.* Древнерусские календарно-хронологические источники... С. 61. Рис. 11 (вклейка между с. 64 и 65). При этом следует подчеркнуть, что дошедшие ранние примеры таблиц «уйгурской руки» отнюдь не отражают начального этапа их бытования в рукописях, поскольку оба они восходят к дефектным оригиналам (либо не закончены) и не имеют практического значения (Там же. С. 60—61). Происхождение упомянутых рукописей с севера тогдашнего великого княжества Московского (по сути, с московско-новгородских границ) лишний раз свидетельствует о том, что известность этого двенадцатилетнего цикла вышла далеко за круг практических нужд (проблема перевода дат) правительских и архиерейских канцелярий русских княжеств, вынужденно находившихся в постоянных сношениях с Ордой.

³⁸ См., например: ПСРЛ. Т. 20. Пол. 1. Львовская летопись. Ч. 1. СПб., 1910 (репринт: М., 2005). С. 182—183; *Плигузов А.И.* Древнейший список краткого собрания ярлыков, данных ордынскими ханами русским митрополитам // РФА. Вып. 3. М., 1987. С. 586—587, 589—590; *Романова А.А.* Древнерусские календарно-хронологические источники... (см. примеч. 37). С. 59. Примеч. 144 («овчья» («овечья») лета», «свиного лета», «заечего лета», «заечья лета»).

³⁹ ПСРЛ. Т. 20. Пол. 1 (см. примеч. 38). С. 182 (здесь представлена форма с проясненным редуцированным: «овечия лета»); *Плигузов А.И.* Древнейший список краткого собрания ярлыков... (см. примеч. 38). С. 586. Примеч. 5. Равноправие вариантов «ов[ъ]чаго» и «овьчия» наглядно подтверждает пример «заячья» / «заячьего» (см. примеч. 38).

⁴⁰ См.: *Романова А.А.* Древнерусские календарно-хронологические источники... (см. примеч. 37). С. 60.

⁴¹ См. примеч. 38–39.

⁴² См. о нем подробнее: *Щапов Я.Н.* Календарь в псковских рукописях XV–XVI вв. // ТОДРЛ. Т. 37. Л., 1987. С. 157–183.

⁴³ Хотя в настоящее время исследователями высказано вполне обоснованное сомнение (*Романова А.А.* Древнерусские календарно-хронологические источники... (см. примеч. 37). С. 56–57) по поводу использования в записи еврейского счета лет и соответствующей календарной терминологии (ср.: *Мещерский Н.А.* К изучению ранней московской письменности // Изучение русского языка и источниковедение. М., 1969. С. 94; *Прохоров Г.М.* Прение Григория Паламы с «хионы и турки» и проблема «жидовская мудрствующих» // ТОДРЛ. Т. 27. Л., 1972. С. 356–357), стремление ее автора продемонстрировать свою ученость и познания в сфере календарной экзотики бесспорно. Издание записи см., например: Пергаменные рукописи БАН СССР. Л., 1976. С. 79–80.

⁴⁴ ГИМ, Син. 915. Л. 904–906 об. (по факсимильному изд.: Библия 1499 г. и Библия в синодальном переводе. Т. 9 (Приложения. Научное описание). М., 1998. С. 85–86, 89, 92, 95, 98).

⁴⁵ Определение 1379 г. как «овчего лета» вполне подтверждается ярлыком хана Тюляка, выданным нареченному митрополиту Михаилу (Митяю) — см. примеч. 38–39.

⁴⁶ ПСРЛ. Т. 3 (см. примеч. 18). С. 369: «Посылаша послы новгородцы к князю великому Дмитрию Ивановичю и докончаша мир с князем великим. А князь великий отпусти Василья и сына его Ивана, и наместника своего присла в Новгород».

⁴⁷ Там же. С. 375: «Того же лета поидоша татарове на Рускую землю, на князя великаго на Дмитрия, князь же поиде противу них. И бысть на реце на Овожи (!), и ту ся обои полкы съступашася. И пособи Бог князю великому, а татарове, вдав плещи, побегоша».

⁴⁸ Здесь уместно вспомнить явно страдающую модернизацией аргументацию Т.В. Николаевой в пользу связи создания Алексеевского креста с Куликовской битвой (и соответственно, датировки памятника около 1381 г.): «Мы исходим из предположения о том, что этот крест был сооружен по поводу не местного новгородского события, а события большого общегосударственного национального масштаба. Только оно могло послужить поводом для установки креста в стене древнейшего Софийского собора» (*Николаева Т.В.* Победный крест... (см. примеч. 2). С. 92).